

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-418-437>

Научная статья / Research article

Реакция КНР на усилия советской дипломатии по разрешению тайваньского вопроса в 1949–1985 гг.

А.С. Бельченко, М.Г. Новоселова

Российский университет дружбы народов;
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; belchenko-as@rudn.ru

The reaction of the Chinese Government to Soviet Diplomatic Efforts to Resolve the Taiwan Question, 1949–1985

Andrey S. Belchenko, Maya G. Novoselova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University);
6, Mikloukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia; belchenko-as@rudn.ru

Аннотация: В статье исследуется феномен тайваньского вопроса как международной проблемы. В ней рассматриваются особенности реакции руководства КНР на действия, предпринимаемые советской дипломатией с целью разрешения тайваньского вопроса; в этой связи анализируется динамика взаимодействия двух стран в период 1949–1985 гг. в контексте данной геополитической проблемы. Статья основана на широком комплексе исторических источников, включающем официальные документы и заявления лидеров КНР и СССР, материалы ООН, дипломатическую переписку, мемуарную литературу. Статья содержит анализ истории советско-китайского взаимодействия по тайваньскому вопросу на разных его этапах: в 1950-е гг. (период положительной динамики сотрудничества между КНР и СССР) и в 1960–1985 гг. (период напряженности в двусторонних отношениях). В исследовании рассматриваются позиция СССР в отношении Тайваня, политические шаги советской дипломатии, направленные на урегулирование проблемы, и реакция на них материкового Китая, которая заключалась преимущественно в резкой критике советских инициатив по разрешению тайваньского вопроса и демонстрации непримиримой позиции по поводу установления официальных отношений между СССР и Тайванем. Отмечается, что Пекин мог сознательно затягивать процесс урегулирования проблемы, используя тайваньский вопрос в своих внешнеполитических интересах. В статье высказывается предположение, чем была обусловлена подобная позиция Пекина в сфере урегулирования тайваньского вопроса. Авторы приходят к выводу о том, что КНР рассматривала тайваньский вопрос как один из способов давления на Соединенные Штаты Америки и оказания влияния на состояние отношений в рамках «дипломатического треугольника» Пекин – Москва – Вашингтон в целом. Истинные цели Пекина в отношении проблемы политического статуса острова во многом отличались от тех, которые были официально провозглашены руководством КНР.

Ключевые слова: тайваньский вопрос, СССР, КНР, внешнеполитический курс КНР, советская дипломатия, советско-китайские отношения, советско-тайваньские отношения

Для цитирования: Бельченко А.С., Новоселова М.Г. Реакция КНР на усилия советской дипломатии по разрешению тайваньского вопроса в 1949–1985 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 418–437. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-418-437>

Abstract: The article studies Beijing's reaction to the activities of Soviet diplomacy related to the Taiwan issue. The authors examine the dynamics of Sino-Soviet interaction in 1949–1985 within the context of this geopolitical problem. The article is based on historical sources (including proclama-

tions and speeches of Chinese and Soviet representatives at official meetings and within the framework of the General Assembly, as well as diplomatic correspondence) and on the Russian and foreign historiography. The paper covers the period of cooperation between Beijing and Moscow (1950s) and the time of high tension in bilateral relations (1960–1985). The PRC government's harsh criticism of Soviet diplomacy, together with its rigid position with regard to the establishment of official relations between the Soviet Union and Taiwan, lead to the conclusion that Beijing could have been deliberately delaying the solution of the issue, using the Taiwan question in its political interests. The authors make suggestions concerning what could have influenced such a position of Beijing towards the Taiwan issue. The real aims of Beijing concerning Taiwan were different from those that Beijing officially proclaimed.

Keywords: the Taiwan question, the USSR, the PRC, Chinese foreign policy, the Soviet diplomacy, Sino-Soviet relations, Sino-Taiwanese relations

For citation: Belchenko, Andrey S., and Novoselova, Maya G. "The reaction of the Chinese Government to Soviet Diplomatic Efforts to Resolve the Taiwan Question, 1949–1985." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 2 (May 2020): 418–437. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-418-437>

Введение

Тайваньский вопрос – уникальное политическое явление, которое включает в себя проблему политического статуса острова и степени его зависимости от материкового Китая. В наши дни, в условиях лидерства континентального Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, сильной экономической взаимозависимости Тайваня и КНР, а также политического доминирования КНР в процессе восточноазиатской интеграции, с особой остротой стоит проблема определения статуса Тайваня. Неразрешенность тайваньского вопроса усиливает напряженность в Восточноазиатском регионе и на международной арене в целом. Тайваньский вопрос со времени своего формирования накладывал существенный отпечаток на взаимодействие КНР с другими странами мира. По этой причине изучение влияния, оказываемого тайваньским вопросом на внешнеполитический курс КНР, и динамики изменения подходов к нему администрации КНР имеет большое значение для стран, выстраивающих отношения с КНР на современном этапе. Для Российской Федерации в начале XXI в. поддержание взаимовыгодных партнерских отношений с КНР представляется одной из первостепенных задач внешней политики. При этом взаимодействие любого государства с КНР неизбежно приводит к необходимости определения его позиции по тайваньскому вопросу и действиям на мировой арене с учетом особенностей внешнеполитического курса КНР в отношении Тайваня. Это обуславливает необходимость изучения и анализа исторической роли фактора Тайваня в российско-китайских отношениях, действий, предпринимаемых по тайваньскому вопросу Советским Союзом, и реакции администрации КНР на политику СССР в контексте тайваньской проблемы.

Актуальность темы заключается также в том, что вопрос о политическом статусе Тайваня недостаточно разрабатывался в отечественной историографии. Жесткая приверженность Советского Союза позиции КНР по тайваньскому вопросу диктовала и подходы к нему отечественной науки. До 1960-х гг., в период московско-пекинской «дружбы», Тайвань рассматривался в СССР как регион, оккупированный США. Кроме того, практически не существовало отдельных трудов, посвященных тайваньскому вопросу, а исследования Тайваня проводились только в рамках изучения всего Китая¹. Лишь с 1960-х гг., по мере охлаждения советско-китайских отношений, в работах советских специалистов тема тайваньского вопроса стала освещаться более объективно, а политический курс Пекина по тайваньскому вопросу получает в ряде случаев критическую оценку. Так, в работе В.Н. Барышникова

¹ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007. С. 412.

«Тайваньский вопрос в китайско-американских отношениях» была высказана идея об использовании Пекином статуса острова Тайвань в качестве инструмента для достижения своих целей на международной арене. Автор критикует Пекин за использование «остроты и нерешенности тайваньской проблемы в своих политических интересах»². Более поздние труды советских и российских исследователей предоставляют детальную информацию об истории острова и эволюции тайваньской проблемы. Например, в монографии «Россия и Китай: четыре века взаимодействия» (под редакцией А.В. Лукина) в отдельной главе, посвященной отношениям России с Тайванем, Гонконгом и Макао³, представлены обширные данные о динамике советско-китайских и российско-китайских отношений и истории взаимодействия СССР (России) и Тайваня. А.В. Лукину принадлежит также монография «Медведь наблюдает за драконом»⁴, где, в частности, проанализирован образ Тайваня в советской и постсоветской литературе, в отечественных СМИ. Тайваньскому вопросу, развитию ситуации на острове и реакции со стороны КНР посвящен и труд Ю.М. Галеновича «Самоутверждение сыновей Тайваня»⁵. В другой своей работе («Глобальная стратегия Китая»)⁶ автор анализирует влияние тайваньского фактора на советско-китайские отношения. В этой связи другой автор В.Н. Барышников высказал мысль о том, что Мао Цзэдун сознательно не предпринимал решительных шагов по окончательному решению тайваньского вопроса, используя его в качестве рычага давления на США⁷. Однако эта идея, прозвучавшая в отдельных работах отечественных исследователей, не получила широкого освещения.

Тайваньский вопрос и проблемы советско-китайских отношений в контексте анализируемой проблемы нашли отражение в общих работах по истории Китая.⁸

Зарубежная историография представлена в значительной степени трудами по истории советско-китайских отношений, в которых затрагивались противоречия двух стран по тайваньскому вопросу. В их числе работы З. Бжезинского, Джеймса Б. Стокдейла, Чеслава Тубилевича и др. Особо следует назвать в этом ряду рассекреченный отчет ЦРУ «The Sino-Soviet Dispute on World Communist Strategy»⁹. Большое внимание тайваньскому вопросу уделяют исследователи из КНР и Республики Китай, однако проблема взаимодействия между КНР и СССР по тайваньскому вопросу не получила со стороны этой группы зарубежных исследователей достаточного освещения. Среди китайских авторов можно назвать работы Ли Джуан, Ксиан Жайа, Рупинг Ксяо.

² Барышников В.Н. Тайваньский вопрос в китайско-американских отношениях (1949–1958). М., 1969. С. 223.

³ Лукин А.В. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. М., 2013. С. 513–610.

⁴ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом...

⁵ Галенович Ю.М. Самоутверждение сыновей Тайваня. М., 2002.

⁶ Галенович Ю.М. Глобальная стратегия Китая. М., 2016.

⁷ Там же. С. 266.

⁸ Непомнин О.Е. История Китая. XX век. М., 2011; Тихвинский С.Л. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. М., 2013; Гудошников Л.М., Степанова Г.А. Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора. М., 2014.

⁹ Brzezinski Z.K. The Soviet Bloc: Unity and Conflict – Ideology and Power in the Relations among the USSR, Poland, Yugoslavia, China, and other Communist States, with an Introduction by Robert R. Bowie. Cambridge, 1960; Stockdale J.B. Taiwan and the Sino-Soviet dispute // core.ac.uk [сайт]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/36706585.pdf> (дата обращения: 17.12.2019); Tubilewicz C. Taiwan and the Soviet Bloc, 1949–1991 // Maryland Series in Contemporary Asian Studies. 2005. № 4. P. 76–95; Tubilewicz C. Taiwan and the Soviet Union During the Cold War: Enemies or Ambiguous Friends? // Cold War History. 2005 № 5. P. 75–86; Tubilewicz C. The Little Dragon and the Bear: Russian-Taiwanese Relations in the Post-Cold War Period // The Russian Review. 2002. Vol. 61. № 2. P. 276–297; The Sino-Soviet Dispute on World Communist Strategy // Central Intelligence Agency [сайт]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/esau-10.pdf> (дата обращения: 11.11.2019).

При этом авторы из КНР традиционно продвигают идею «одного государства – двух систем», в то время, как ученые из Республики Китай видят Тайвань независимым государством, способным самостоятельно проводить внешнюю политику¹⁰.

Источниковая база статьи представлена официальными документами (заявлениями первых лиц КНР и СССР, выступлениями представителей двух стран на Генеральной Ассамблее ООН), дипломатической перепиской, а также мемуарами современников событий, в том числе бывшего министра иностранных дел СССР А.А. Громыко¹¹, американского дипломата и бывшего Государственного секретаря США Генри Киссинджера¹².

Целью статьи является выявление общих тенденций взаимодействия КНР и СССР по тайваньскому вопросу в 1949–1985 гг., особенностей внешнеполитического курса КНР по данной проблеме и позиции Китая в отношении действий советской дипломатии, направленных на урегулирование тайваньской проблемы.

Хронологические рамки статьи обусловлены тем, что возникновение тайваньского вопроса как геополитического феномена относится к 1949 г., когда партия Гоминьдан, потерпевшая поражение в вооруженном противостоянии с КПК, была вынуждена обосноваться на острове Тайвань. Верхняя граница хронологических рамок совпадает с началом периода перестройки в Советском Союзе, который ознаменовал новый этап отношений между СССР и Тайванем.

Советско-китайские отношения в контексте тайваньского вопроса в 1950-е гг.

С момента возникновения тайваньского вопроса (1949 г.) у Пекина существовало много объективных причин стремиться разрешить тайваньский вопрос в свою пользу. Среди них – причины геополитического и экономического характера: остров Тайвань благодаря своему географическому положению часто использовался Китаем в историческом прошлом для решения военно-стратегических задач, а контроль над Тайваньским проливом, являющимся крупнейшей международной транспортной магистралью с интенсивным трафиком сырьевых и промышленных потоков между Азией и Америкой, имел бы большое влияние на внешнюю торговлю материкового Китая. Кроме того, Тайбэй, позиционируя себя на международной арене как независимого от Пекина игрока, на протяжении всего времени существования тайваньского вопроса вызывал опасения у правительства Пекина, в определенной степени способствуя росту сепаратистских настроений в регионах проживания национальных меньшинств в самом Китае¹³. Необходимо упомянуть и об идеологическом значении тайваньского вопроса для Пекина. Остров Тайвань, в прошлом оккупированный Японией, в глазах китайского руководства символизировал эру унижения со стороны западных интервентов¹⁴. Именно эти причины приводятся в традиционной историографии тайваньской проблемы в качестве доказательства тезиса о том, что Пекин был заинтересован в разрешении тайваньского вопроса путем возвращения «мятежного» острова континентальному Китаю. Данную точку зрения разделяет профессор Корнелльского университета Цзян Чэн, считающий, что КПК на протяжении второй половины XX в. рассматривала освобождение Тайваня от сил

¹⁰ *Li Jian*. Secret Record of Contacts Between Taiwan and the Former Soviet Union. Beijing, 1995; *Xiang Zhai, Ruping Xiao*. Shifting political calculation: the secret Taiwan-Soviet talks, 1963–1971 // *Cold War History*. 2015. № 15. P. 533–551.

¹¹ *Громыко А.А.* Памятное. Испытание временем // Памятное. М., 2016.

¹² *Киссинджер Г.* О Китае. М., 2017.

¹³ *Kuntić D.* The Ominous Triangle: China-Taiwan-the United States relationship // *Croatian International Relations Review*. 2015. Vol. 21. № 72. P. 248.

¹⁴ *Ibid.*

Гоминьдана как задачу первостепенной важности, выполнение которой необходимо было для становления КНР в качестве весомого игрока в Восточной Азии и на мировой арене¹⁵. Ряд исследователей отмечают, что и в наши дни КНР демонстрирует заинтересованность в возвращении Тайваня, а вопрос подчинения острова в рамках политической стратегии Пекина рассматривается им как этап достижения собственных целей по распространению контроля как на региональные морские коридоры, так и на окружающее пространство¹⁶.

Следует заметить, что официально руководство КНР, действительно, всегда демонстрировало решимость найти способ урегулирования проблемы, а также определенную бескомпромиссность в отношении методов достижения этой цели. Однако специфическая реакция Пекина на деятельность советских дипломатов, рассматривавших разрешение тайваньской проблемы в качестве одной из важных задач, заставляет нас задуматься о том, насколько подобные заявления КНР совпадали с ее истинными намерениями.

Во второй половине XX в. советская дипломатия во внешнеполитическом курсе относительно Азиатско-Тихоокеанского региона видела своим главным приоритетом выстраивание дружественных отношений с КНР, поддержание тесных экономических и политических связей с крупнейшим территориальным соседом и динамично развивающейся социалистической страной. В частности, подтверждение этому мы находим в мемуарах бывшего министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, который отмечал, что Советский Союз проводил «линию на нормализацию советско-китайских отношений», а советская дипломатия считала, что «улучшение этих отношений явилось бы крупным событием, отвечающим интересам СССР и Китая, социализма в целом, интересам мира во всем мире»¹⁷.

В связи с этим политический курс СССР по отношению к Тайваню с самого возникновения тайваньского вопроса диктовался официальной позицией КНР по вопросу о статусе острова, а формирование динамики советско-тайваньских отношений происходило в рамках взаимодействия Москвы и Пекина. После провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г. Советский Союз сразу признал ее существование¹⁸. Одновременно Советским Союзом была признана зависимость Тайваня от КНР, несамостоятельность политического статуса острова. 3 октября 1949 г. дипломатические отношения между СССР и Китайской Республикой были прекращены¹⁹. После установления официальных контактов с КНР именно Китайская Народная Республика рассматривалась СССР и его союзниками как единственный легитимный представитель китайского народа²⁰. Официально СССР также придерживался позиции КНР по тайваньскому вопросу, занимая сторону Пекина в его территориальных притязаниях относительно Тайваня и выступая за членство КНР в ООН и исключение представительства в ней Китайской Республики²¹.

¹⁵ *Chen Jian*. *China's Road to the Korean War: The Making of the Sino-American Confrontation*. New York, 1994. P. 96.

¹⁶ *Lin E.S., Yi-Hua Wu, Ta-Sheng Chou*. *Country Survey: Defense Policy and Military Spending in Taiwan, 1952–2009* // *Defence and Peace Economics*. 2012. Vol. 23. P. 349; *Dreyer J.T.* *Why Taiwan matters* // *Foreign Policy Research Institute* [сайт]. URL: <https://www.fpri.org/article/2011/07/why-taiwan-matters/> (дата обращения 18.11.2019).

¹⁷ *Громыко А.А.* *Памятное. Испытание временем...* С. 223.

¹⁸ *Непомнин О.Е.* *История Китая. XX век...* С. 481.

¹⁹ *Лукин А.В.* *Россия и Китай...* С. 520.

²⁰ *Лычагин А.И., Комаров И.Д.* Тайваньский вопрос: внешние и внутренние детерминанты // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 3. С. 531.

²¹ *Tubilewicz C.* *Taiwan and the Soviet Bloc, 1949–1991* // *Maryland Series in Contemporary Asian Studies*. 2005. № 4. P. 47.

Вместе с тем проблема Тайваня объективно не имела первостепенного значения для внешнеполитического курса СССР по причинам географической удаленности острова и идеологии его руководства, а вопрос о политическом статусе Тайваня никогда не являлся болезненным аспектом советско-китайских отношений, как это было в отношениях между КНР и США²². Однако стремление к поддержанию добрососедских отношений с КНР и необходимость снижения международной напряженности подталкивали советское руководство к активному участию в дискуссии по тайваньскому вопросу. СССР призывал к разрешению проблемы дипломатическим путем, демонстрируя решимость не допустить ее перерастания в новую мировую войну, в которую неизбежно был бы вовлечен Советский Союз²³. Однако руководители СССР не раз официально заявляли и о готовности принять участие в потенциальной войне на стороне КНР, если дипломатический конфликт, связанный с проблемой неясного политического статуса острова, выльется в вооруженное противостояние²⁴.

Намерение Москвы развивать добрососедские и дружественные отношения с Пекином, в частности, нашло отражение в активной демонстрации официальной позиции Москвы по вопросу о легитимности власти КПК и Гоминьдана. В интервью газете «Правда» от 17 февраля 1951 г. остров Тайвань был назван И.В. Сталиным «китайской территорией», «захваченной» США²⁵, а сами Соединенные Штаты – агрессором, угрожающим материковому Китаю. И.В. Сталин упомянул о праве Китая «защищать свою безопасность у границ»²⁶. И.В. Сталин также критиковал решение ООН о сохранении членства Китайской Республики, непредоставлении КНР права участия в ООН, из-за чего, по его мнению, ООН переставала «быть всемирной организацией равноправных наций»²⁷. Такие заявления советского лидера свидетельствуют о том, что Москвой в качестве официальной позиции в отношении тайваньской проблемы была признана позиция Пекина. Важно отметить при этом, что И.В. Сталин в интервью подчеркивал приверженность Москвы политическому, а не военному методу разрешения тайваньской проблемы.

Позиция Москвы неоднократно озвучивалась советской стороной в двустороннем диалоге с КНР, отмечалась необходимость быстрого урегулирования ситуации в Тайваньском проливе. Так, 29 июля 1954 г. состоялся прием председателем Совета Министров СССР Г.М. Маленковым министра иностранных дел КНР Чжоу Эньляя, на котором советская сторона выразила поддержку планам ЦК КПК в условиях, когда «правительство США пытается спровоцировать конфликты» на Дальнем Востоке, «чанкайшистские пираты нарушают свободу судоходства в открытом море», а «гоминьдановские самолеты совершают налеты на китайское побережье». Была выражена решимость предпринять ряд мер, направленных на предотвращение подписания США и Тайванем Договора об обороне²⁸. 30 сентября 1954 г. Первый секретарь

²² Верченко А.Л. Четвертое поколение руководства КПК: отношения через Тайваньский пролив и позиция России // Общество и государство в Китае: XLIV научная конференция. М., 2014. С. 283.

²³ Gao Xintao. Zhong Su guanxi zhong de Taiwan wenti (1949–1959) // Guangxi Social Sciences. 2002. № 1. P. 45; Zhang Wei. Lun Su lian zai di er ci Tai wan hai xia wei ji zhong de jue ce // Li shi jiao xue wen ti. 2008. № 2. P. 65.

²⁴ Wilson Center // Digital Archive [сайт]. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117028> (дата обращения: 17.11.2019); Telegram From the Embassy in the Soviet Union to the Department of State. September 7, 1958 // Office of the Historian [сайт]. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v19/d74> (дата обращения: 17.11.2019).

²⁵ Сталин И.В. Беседа с корреспондентом Правды. М., 1951. С. 9.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 11.

²⁸ Wilson Center // Digital Archive [сайт]. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/111272> (дата обращения: 17.11.2019).

ЦК КПСС Н.С. Хрущев в своем выступлении в Пекине на заседании, посвященном пятой годовщине образования КНР, в ярко идеологизированной манере заявил, что «советский народ выражает свое глубокое сочувствие великому китайскому народу в его благородном деле и поддерживает его решимость освободить своих братьев, еще томящихся под ярмом гоминьдановской клики на острове Тайвань, ликвидировать окопавшуюся там предательскую банду Чан Кайши»²⁹. Н.С. Хрущев назвал решение вопроса о политическом статусе острова Тайвань «осуществлением суверенитета Китая», выразил надежду и уверенность в том, что «правда восторжествует» и Тайвань будет «воссоединен со всей своей великой страной»³⁰. 13 февраля 1955 г. в своем выступлении на торжественном собрании в Пекине, посвященном пятой годовщине подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и СССР, Хрущев открыто критиковал действия Чан Кайши и позицию США по тайваньскому вопросу. Он заявил о надежде «советского народа» на то, что «великий китайский народ освободит Тайвань», «добьется осуществления над ним своего суверенитета»³¹. Борьбу КНР за возвращение Тайваня материковому Китаю Я.М. Ломакин называл «правым делом китайского народа». Примечательно, что в выступлении председателя Общества китайско-советской дружбы Сун Цинлин на том же мероприятии не прозвучало ни слова по тайваньскому вопросу³². Даже в конце 1950-х гг., во время начала охлаждения отношений между Пекином и Москвой, советская сторона официально придерживалась прежней позиции. Так, в письме ЦК КПСС к КПК от 27 сентября 1958 г. во время второго кризиса в Тайваньском проливе говорилось о готовности Москвы к участию в конфликте на стороне Пекина в случае использования против КНР ядерного оружия третьей стороной (в первую очередь США)³³. Подобные обещания также были озвучены Н.С. Хрущевым 6 октября 1958 г.³⁴

Проблему неопределенности статуса Тайваня СССР поднимал не только в рамках двустороннего диалога с КНР, но и на различных международных площадках, в частности, в годы Корейской войны. В 1950 г. Москва бойкотировала Совет Безопасности ООН в знак протеста против нежелания его членов принять КНР в ООН. 10 января 1950 г. представитель СССР в ООН Я.А. Малик заявил о незаконности членства в Совете Безопасности «гоминьдановского представителя», поскольку он не представлял «собой ни Китай, ни китайский народ». Советская сторона отказалась от участия в заседаниях, «пока гоминьдановский представитель не будет устранен из состава Совета Безопасности»³⁵. Позднее, в сентябре того же года, Я.А. Маликом также было сделано заявление о необходимости вывода с территории Тайваня американских войск и возвращении острова в состав КНР в соответствии с Потсдамской декларацией 1945 г.³⁶ На совещании министров иностранных дел в Женеве

²⁹ Выступление Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева на торжественном заседании в Пекине, посвященном пятой годовщине образования КНР, 30 сентября 1954 г. // Советско-китайские отношения. 1952–1955: Сборник документов. Ижевск, 2015. С. 208.

³⁰ Там же.

³¹ Выступления на торжественном собрании в Пекине, посвященном пятой годовщине подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Китайской Народной Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик 13 февраля 1955 г. // Советско-китайские отношения. 1952–1955: Сборник документов. Ижевск, 2015. С. 279.

³² Там же. С. 270–277.

³³ Letter, Central Committee of the Communist party of the Soviet Union to the Chinese Communist Party, on the Soviet Union's readiness to provide assistance to China in the event of an attack, September 27, 1958.

³⁴ Лукин А.В. Россия и Китай... С. 525.

³⁵ Официальный отчет о Заседании S/PV.459 Совета Безопасности ООН. 10 января 1950 года // Организация Объединенных Наций [сайт]. URL: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/home.xsp> (дата обращения: 18.11.2019).

³⁶ Лукин А.В. Россия и Китай... С. 520.

в 1954 г. министр иностранных дел СССР В.М. Молотов привлек внимание к роли США в формировании тайваньского вопроса и росте напряженности в Тайваньском проливе. Он утверждал, что «Соединенные Штаты Америки захватили остров Тайвань, сделав хозяином этого острова последышей чанкайшистской клики», «неповолительными методами» мешая КНР вступить в ООН, «занять ее законное место»³⁷. В.М. Молотов также заявил о готовившейся агрессии США против Китайской Народной Республики, о том, что США «постоянно угрожают» китайским границам «нападением с Тайваня и с Корейского полуострова, создавая все новые военные базы поблизости от территории Китая»³⁸.

Во время первого кризиса в Тайваньском проливе, связанного с обстрелом КНР островов Цзиньмэнь, Ицзяншань и Дачэнь в 1954–1955 гг., советская сторона выдвинула предложение созвать совместную конференцию с участием СССР, Англии, Индии, Китая, США и Франции для поиска путей решения кризиса³⁹. На пленарном заседании IX сессии Генеральной Ассамблеи ООН 21 сентября 1954 г. постоянный представитель СССР при ООН А.Я. Вышинский в своем выступлении говорил о законности членства КНР в ООН, критиковал Вашингтон за создание искусственных препятствий передаче места Китайской Республики в ООН КНР⁴⁰.

Позиция советской дипломатии по вопросу о политическом статусе Тайваня прозвучала и в заявлении Министерства иностранных дел СССР от 15 декабря 1954 г., после заключения США и Тайванем Договора об обороне. В заявлении договор был назван «грубым нарушением международных договорённостей, суверенитета и территориальной целостности КНР»⁴¹; в нем открыто критиковались действия США в Тайваньском проливе и звучали обвинения в их адрес в создании дипломатической проблемы. «...Правительство США рассматривает Тайвань и острова Пэнхуледао как один из плацдармов для дальнейших агрессивных действий против Китайской Народной Республики и других миролюбивых государств Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии»⁴², – говорилось в заявлении. Советские дипломаты поддержали «требования правительства Китайской Народной Республики о выводе американских войск с Тайваня, островов Пэнхуледао и из Тайваньского пролива», «о прекращении агрессивных действий против Китайской Народной Республики»⁴³.

Вопрос о восстановлении «законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций» был поднят также В.М. Молотовым на пленарном заседании X сессии Генеральной Ассамблеи ООН 20 сентября 1955 г., где он подчеркнул, что Китайская Республика, «незаконно» обладая членством в ООН, «никого не представляет»⁴⁴. 22 сентября 1958 г. новый министр иностранных дел СССР А.А. Громыко в своем выступлении в рамках пленарного заседания Генассамблеи ООН назвал непредоставление КНР права членства в ООН «недостойным фарсом»,

³⁷ Из выступления министра иностранных дел СССР В.М. Молотова на совещании министров иностранных дел в Женеве 29 апреля 1954 г. // Советско-китайские отношения. 1952–1955: Сборник документов. Ижевск, 2015. С. 181.

³⁸ Там же.

³⁹ *Галенович Ю.М.* Глобальная стратегия Китая... С. 471.

⁴⁰ Выступление заместителя министра иностранных дел СССР, постоянного представителя СССР при ООН А.Я. Вышинского на пленарном заседании IX сессии Генеральной Ассамблеи ООН 21 сентября 1954 г. // Советско-китайские отношения. 1952–1955: Сборник документов. Ижевск, 2015. С. 197.

⁴¹ Заявление министерства иностранных дел СССР 15 декабря 1954 г. // Советско-китайские отношения. 1952–1955: Сборник документов. Ижевск, 2015. С. 238.

⁴² Там же. С. 239.

⁴³ Там же. С. 240.

⁴⁴ Заявление министра иностранных дел СССР В.М. Молотова на пленарном заседании X сессии Генеральной Ассамблеи ООН 20 сентября 1955 г. // Советско-китайские отношения. 1952–1955: Сборник документов. Ижевск, 2015. С. 310.

противоречившим «нормам международного права» и «здравому смыслу»⁴⁵. А.А. Громыко в своей речи привлек внимание к «враждебной» по отношению к материковому Китаю политике Вашингтона, проявлением которой стал захват острова Тайвань и архипелага Пэнхуледао⁴⁶. Несмотря на значительное охлаждение отношений между Пекином и Москвой в конце 1950-х гг., в докладе А.А. Громыко Тайвань по-прежнему рассматривался как «неотъемлемая часть китайской территории», находящаяся под «оккупацией» США⁴⁷.

Помимо двустороннего диалога с Пекином и попыток привлечь внимание к тайваньскому вопросу на международном уровне советская сторона затрагивала проблему невыясненного политического статуса Тайваня и в двустороннем диалоге с другими странами (как с непосредственным участником событий в Тайваньском проливе (США), так и с теми, кто напрямую не участвовал в них). В частности, в официальном заявлении правительства СССР правительству Великобритании от 31 января 1955 г. советская сторона выступила за вынесение вопроса о кризисе в Тайваньском проливе на обсуждение Совета Безопасности ООН⁴⁸. После того, как предложение Москвы не получило поддержки Великобритании и США, советской стороной была выдвинута идея провести обсуждение сложившейся в Тайваньском проливе ситуации в рамках специальной международной конференции заинтересованных в урегулировании проблемы стран (что также не было осуществлено)⁴⁹.

В 1950-е гг. острота ситуации вокруг Тайваня неоднократно обсуждалась в дипломатической переписке Н.С. Хрущева с Президентом США Д.Д. Эйзенхауэром, в которой советский лидер прибегал к прямой критике действий Вашингтона. Так, в письме от 7 сентября 1958 г. он напрямую назвал политику США в отношении тайваньского вопроса главной причиной напряженной обстановки в дальневосточном регионе⁵⁰. Н.С. Хрущев обвинил Вашингтон в «оккупации» исконно китайской территории (островов Тайваня и Пэнхуледао) и проведении военных учений с целью использования Тайваня в качестве американской военной базы. В очередной раз советской стороной было обращено внимание на игнорирование «законных прав» материкового Китая на членство в ООН. В этом письме Н.С. Хрущев выразил приверженность СССР позиции признания «одного Китая» в лице КНР. В письме Д.Д. Эйзенхауэру от 12 октября 1959 г. Н.С. Хрущев продолжил критику политического курса Вашингтона в отношении острова Тайвань, прибегнув к сравнению американской поддержки Гоминьдана на Тайване с поддержкой, оказанной иностранными державами белому движению во время Гражданской войны в России⁵¹. Советская сторона в письме в очередной раз заявляла о стремлении Москвы защитить законные права КНР, а территория острова вновь была названа внутренней провинцией КНР как единой и «неделимой» страны⁵².

Однако активные действия СССР по разрешению тайваньского вопроса, особенно по мере охлаждения советско-китайских отношений, как правило, встречали все более резкую критику со стороны администрации КНР. Попытки участия советской

⁴⁵ Восстановить законные права Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций. Выступление министра иностранных дел А.А. Громыко на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 22 сентября // Правда. 1958. 24 сентября. С. 5.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Заявление правительства СССР правительству Великобритании. 31 января 1955 г. // Советско-китайские отношения. 1952–1955: Сборник документов. Ижевск, 2015. С. 251.

⁴⁹ Там же. С. 253.

⁵⁰ Telegram from the Embassy in the Soviet Union to the Department of State. September 7, 1958.

⁵¹ Letter from Chairman Khrushchev to President Eisenhower. October 12, 1958 // Office of the Historian [сайт]. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v19/d307> (дата обращения: 20.11.2019).

⁵² Там же.

стороны в дискуссии по поводу тайваньской проблемы зачастую пресекались Пекином. Правительство КНР стремилось подчеркнуть, что воспринимает тайваньский вопрос как внутреннюю проблему Китая и не считает правомерными действия советской дипломатии, направленные на его разрешение. Так, советское руководство даже не было заранее уведовлено китайской стороной, когда в августе 1958 г. Народно-освободительная армия Китая (НОАК) обстреляла островов Цзиньмэнь и Мацзу, что спровоцировало второй кризис в Тайваньском проливе⁵³. Москва выразила недовольство подобными действиями китайской стороны. При этом правительство КНР заявило, что не собирается «втягивать» СССР в события, связанные с тайваньским вопросом. В Пекин с тайной миссией срочно прибыл А.А. Громько, в беседе с которым Мао Цзэдун заявил, что в случае возникновения войны КНР не будет привлекать СССР к участию в боевых действиях на начальном ее этапе. Прибегнуть к помощи Москвы планировалось только после того, как подразделения США проникнут вглубь страны⁵⁴. Это свидетельствовало о намерении Пекина действовать самостоятельно, откладывая взаимодействие с Москвой в рамках единой коалиции на отдаленную перспективу. Некоторые исследователи склонны расценивать это заявление Мао Цзэдуна как отказ КНР от союзнических обязательств с СССР, закрепленных договором 1950 г.⁵⁵ В этих условиях предложение Москвы об оказании военной помощи и направлении в Тайваньский пролив советских ракетных войск и ВВС было отвергнуто китайским руководством⁵⁶.

Также, если в 1954 г. китайская сторона горячо поддержала предложение Москвы о созыве международной конференции для обсуждения ситуации в Тайваньском проливе⁵⁷, то в сентябре 1958 г., когда советское правительство в очередной раз предложило созвать международное совещание с участием представителей Китая, США, СССР и Индии для обсуждения и решения тайваньской проблемы, это предложение было отвергнуто Пекином⁵⁸. Попытка убедить КНР договориться с США о мирной передаче островов Цзиньмэнь и Мацзу КНР была предпринята 1 октября 1958 г. в письме Н.С. Хрущева Мао Цзэдуну. В ответ на это правительство КНР заявило, что не заинтересовано в возвращении островов и со 2 октября 1958 г. собирается начать обстрелы Цзиньмэнь и Мацзу⁵⁹. В 1959 г., во время визита Н.С. Хрущева в КНР, советский лидер указал на то, что обстрел островов Цзиньмэнь и Мацзу не рассматривается правительством СССР как правильный «метод» решения тайваньской проблемы⁶⁰. В ответном заявлении представители КНР назвали единственным способом урегулирования тайваньского вопроса вывод американских войск с территории острова, а решение о том, какими методами добиваться освобождения Тайваня, назвали «внутренним делом Китая»⁶¹. Во время визита Н.С. Хрущева в КНР Мао Цзэдун неоднократно подчеркивал, что СССР может влиять только на состояние отношений КНР с США, но не имеет права участвовать в решении внутренних для Китая вопросов. Подобные действия Мао Цзэдуна дают основания полагать, что администрация КНР намеренно затягивала разрешение вопроса о политическом статусе Тайваня, искусно используя его в своих внешнеполитических интересах.

⁵³ *Gao Xintao*. Zhong Guo guanxi zhong de Taiwan wenti... P. 46.

⁵⁴ *Громько А.А.* Памятное. Испытание временем... С. 220.

⁵⁵ *Галенович Ю.М.* Глобальная стратегия Китая... С. 267.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 471.

⁵⁸ *Лукин А.В.* Россия и Китай... С. 526.

⁵⁹ Там же. С. 525.

⁶⁰ *Галенович Ю.М.* Глобальная стратегия Китая... С. 275.

⁶¹ *Zhang Wei*. Lun Su lian zai di er ci Tai wan hai xia wei ji zhong de jue ce... P. 66.

Для существования и успешного развития КНР как социалистического государства его руководству было необходимо выстроить выгодные двусторонние отношения с США⁶². Вероятно, администрация Пекина стремилась использовать тайваньский вопрос, в первую очередь, в целях оказания влияния на политический курс Вашингтона. Выдающийся американский дипломат Г. Киссинджер отмечает, что в 1954–1955 гг., во время первого кризиса в Тайваньском проливе, все участники тех событий – КНР, СССР и США – не питали стратегических интересов в отношении этих островов⁶³. Не рассматривая возвращение островов как самоцель акций по обстрелу Цзиньмэнь, Ицзяншань и Дачэнь, Мао Цзэдун использовал их как инструмент международной политики, оказывая давление на США. По словам Г.В. Зиновьева, Мао Цзэдун стремился «обострить ситуацию ради ее последующего урегулирования на выгодных условиях»⁶⁴. Китайский партийный деятель и журналист У Лэнси в своих мемуарах также утверждает, что во время второго кризиса в Тайваньском проливе Мао Цзэдун намеренно стремился превратить Тайваньский пролив в очаг международного напряжения, а обстрелы островов велись «с целью преподать урок американцам»⁶⁵. Как пишет автор, Мао Цзэдун утверждал, что США долгое время «задирали» КНР, а теперь у Пекина появилась возможность ответить Вашингтону тем же⁶⁶. Во время второго кризиса в Тайваньском проливе администрация Пекина придавала особое значение международной реакции на обстрелы, проведенные КНР⁶⁷ (в первую очередь, реакции Вашингтона), что также доказывает то, что обстрелы были в большей степени направлены на создание напряженности и манипулирование США, чем на непосредственное возвращение территорий. В письме Мао Цзедуна Чжоу Эньлаю и начальнику Генерального штаба НОАК Хуан Кэчэну от 13 сентября 1958 г. содержится инструкция, как следует обстреливать острова, чтобы вызвать панику у США. В письме Мао Цзэдун пишет, что КНР не следует «выкладывать карты на стол» в ближайшее время, Пекину надо «протестировать» американцев⁶⁸. С идеей о том, что весь тайваньский вопрос рассматривался китайским руководством в качестве рычага давления на стороны дипломатического треугольника Пекин – Москва – Вашингтон, согласуется и заявление главы Госсовета КНР Чжоу Эньлая в беседе с советником посольства СССР в КНР Н.Г. Судариковым в августе 1958 г. Чжоу Эньлай заявил, что КНР при обстреле Цзиньмэнь и Мацзу не ставила своей целью освободить Тайвань⁶⁹. По его словам, Пекин лишь собирался «наказать его за беспорядки в прибрежном море»⁷⁰. Чжоу Эньлай сообщил советской стороне, что Мао Цзэдун не собирался окончательно решать сложившийся тайваньский вопрос, считая, что «лучше не освобождать Тайвань, чем освобождать...»⁷¹. Мао Цзэдун открыто признавал, что целью акции по обстрелу островов было недопущение создания Соединенными Штатами двух Китаев и что КНР хотела «заставить пошевелиться американцев»⁷².

⁶² Young S.M. U.S.–China Relations // American Foreign Policy Interests. 2015. № 37. P. 270.

⁶³ Киссинджер Г. О Китае... С. 173.

⁶⁴ Лукин А.В. Россия и Китай... С. 526.

⁶⁵ Wilson Center // Digital Archive [сайт]. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117009> (дата обращения: 18.11.2019).

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Wilson Center // Digital Archive [сайт]. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/117017> (дата обращения: 20.11.2019).

⁶⁹ Zhang Wei. Lun Su lian zai di er ci Tai wan hai xia wei ji zhong de jue ce... P. 66.

⁷⁰ Галенович Ю.М. Глобальная стратегия Китая... С. 265.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

В отношении Советского Союза как лидера социалистического блока КНР проводил политику, направленную на недопущение политического доминирования СССР в двусторонних отношениях, поскольку Пекин не был готов играть роль «младшего брата» Москвы⁷³. КНР стремилась выступить в социалистическом блоке равноправным с СССР партнером и не допустить первенства Советского Союза и его влияния на политический курс Китая. О подобных тенденциях во внешнеполитическом курсе КНР по отношению к СССР А.А. Громыко писал следующее: «Советский Союз, советское руководство, как об этом неоднократно заявлялось, не желали ухудшения советско-китайских отношений. Делалось все возможное, чтобы уберечь достигнутое в их развитии. Но было видно, что руководство другой страны взяло стратегическую линию на расстройство этих отношений»⁷⁴.

Действительно, китайское руководство использовало тайваньский вопрос в качестве рычага дипломатического давления. В действиях Мао Цзэдуна неоднократно проявлялось желание обострить советско-американские отношения и при этом оставить для КНР возможность дипломатического лавирования и развития контактов с США. Проявилось нежелание правительства КНР лишиться методов воздействия на СССР и США, окончательно закрыв вопрос о политическом статусе острова, отсюда – затягивание решения тайваньского вопроса путем критики вмешательства СССР в ситуацию, его неприятия военных методов решения проблемы.

Опасаясь укрепления международного влияния СССР и критики в свой адрес (из-за желания применить военную силу на Тайване), КНР не раз демонстрировала советской стороне, что Пекин рассматривает тайваньский вопрос как внутреннюю проблему Китая и считает вмешательство в нее СССР неуместным.

При этом следует отметить, что в конце 1950-х гг. по причине осложнения советско-китайских отношений Москвой были предприняты первые попытки смягчения своей позиции по тайваньскому вопросу. Однако подобные действия советской стороны тут же встречали резко негативную реакцию со стороны администрации КНР, которая зачастую называла позицию Москвы по Тайваню недостаточно бескомпромиссной. Наглядным примером подобной позиции КНР могут служить события, произошедшие на Международной геологической конференции в 1958 г. в Москве, куда были приглашены и делегация КНР, и делегация Тайваня. В ответ руководство КНР приняло решение бойкотировать конференцию. Речь главы советской делегации Д. Пушкина, которая содержала приглашение к участию делегаций и материкового Китая и Тайваня, была встречена негативно, а позиция Москвы была оценена китайской делегацией как «двуличная»⁷⁵.

Реакция КНР на политику СССР в отношении Тайваня в 1960–1985 гг.

В конце 1950-х гг. произошел раскол в двусторонних советско-китайских отношениях. Исследователи, как правило, выделяют такие факторы, приведшие к советско-китайскому расколу, как соперничество стран в рамках международного коммунистического движения, внутривосточная ситуация в КНР и СССР (в частности, развенчание культа личности И.В. Сталина), личная неприязнь Мао Цзэдуна и Н.С. Хрущева, территориальные споры стран⁷⁶. При этом иногда наиболее важными причи-

⁷³ Zofka J., Vámos P., Urbansky S. Beyond the Kremlin's reach? Eastern Europe and China in the Cold War era // *Cold War History*. 2018. Vol. 18. № 3. P. 251.

⁷⁴ Громыко А.А. Памятное. Испытание временем... С. 221.

⁷⁵ Лукин А.В. Россия и Китай... С. 528.

⁷⁶ Roberts P., Levine S.I., Vámos P., Kaple D., Friedman J., and Stiffler D.A. Forum: Mao, Khrushchev, and China's Split with the USSR. Perspectives on The Sino-Soviet Split. Review of The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World // *Journal of Cold War Studies*. 2010. Vol. 12. № 1. P. 153.

нами раскола между Пекином и Москвой называют вопросы идеологического характера – разные точки зрения на социально-экономическую политику своих стран, на выстраивание отношений с Западом (в связи с предложением Москвы о реализации политики «мирного сосуществования»), а также негативное восприятие Пекином политики десталинизации в Советском Союзе⁷⁷. Некоторые исследователи склонны придавать особое значение и влиянию событий в Тайваньском проливе на характер советско-китайских отношений, в частности, приверженность Москвы политическим методам устранения кризисной ситуации, несогласие советской стороны с концепцией применения военной силы Пекином в отношении Тайваня и близлежащих островов. Все это могло в значительной степени способствовать ухудшению советско-китайских отношений⁷⁸. Обострению противоречий между странами способствовало и то, что Пекин продолжал руководствоваться в своем внешнеполитическом курсе идеей недопущения верховенства Москвы и нежеланием играть роль младшего экономического партнера.

В 1960-е гг. разработчики китайского внешнеполитического курса стали развивать идею враждебности СССР по отношению к КНР, высказывались предположения о существовании советско-американского сговора, направленного против Китайской Народной Республики⁷⁹. В качестве официальной доктрины Пекина концепцию «биполярного» мира сменила концепция «промежуточных зон»: к первой относились страны Азии, Африки и Латинской Америки, ко второй – страны Европы, Канада, Океания и Япония, выделенные на основании идеологических интересов⁸⁰. Данная концепция была направлена на противостояние как «американскому империализму», так и «советскому ревизионизму». В рамках теории «промежуточных зон» Китаю отводилась ведущая роль в решении судьбы холодной войны в качестве лидера «промежуточной зоны» в едином фронте борьбы с империализмом и ревизионизмом⁸¹.

В целом, в рамках десятилетия 1960–1970-х гг. происходило дальнейшее усиление антисоветской риторики из уст правительства КНР. После IX съезда КПК (апрель 1969 г.) во внешней политике Китая постепенно начинает превалировать тезис об «угрозе с севера», в силу чего «советский ревизионизм» рассматривался как большая опасность, чем американский империализм⁸². Внешнеполитические шаги СССР на международной арене в это время также встречали критику со стороны КНР. После 1974 г. развитие получила концепция «трех миров», представлявшая собой продолжение концепции «промежуточных зон». Согласно ей СССР и США относились к «первому миру», развитые государства Европы и Азии – ко второму, а развивающиеся страны – к третьему, куда была отнесена и КНР⁸³. Подобная дифференциация на различные «миры», в частности, строилась на основании наличия у стран ядерного оружия и уровня развития их экономик⁸⁴. Данная концепция подра-

⁷⁷ Roberts P., Levine S.I., Vámos P., Kaple D., Friedman J., and Stiffler D.A. Forum: Mao, Khrushchev, and China's Split with the USSR. Perspectives on The Sino-Soviet Split. Review of The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World // *Journal of Cold War Studies*. 2010. Vol. 12. № 1. P. 154.

⁷⁸ Vradiy S.Yu. Russia's Unofficial Relations with Taiwan // *Slavic Eurasian Studies*. 2007. № 16–2. P. 221.

⁷⁹ Цвык А.В. Эволюция внешнеполитических доктрин КНР (1950–1990-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 54.

⁸⁰ Трушкин А.Г. Идеологические основания нового внешнеполитического курса КНР (1978–2001 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. Т.18. № 4. С.109.

⁸¹ Chen Jian. China's Road to the Korean War... P. 20.

⁸² Цвык А.В. Эволюция... С. 55.

⁸³ Wilson Center // Digital Archive [сайт]. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/119307> (дата обращения: 20.11.2019).

⁸⁴ Ibid.

зумежала использование китайским руководством противоречий между двумя сверхдержавами, а также получение Пекином определенной политической выгоды за счет столкновения интересов Вашингтона и Москвы⁸⁵. Рассматривалась и возможность создания «единого фронта для борьбы против СССР» с целью «срыва глобального плана, вынашиваемого СССР», как заявил Дэн Сяопин в интервью агентству «Франс-Пресс»⁸⁶.

Кроме того, в 1960-е гг. происходило постепенное сближение между КНР и Соединенными Штатами Америки, что приводило к росту напряженности в советско-китайских отношениях⁸⁷. В начале 1970-х гг. в связи с началом осуществления «пинг-понговой дипломатии» и после визита Р. Никсона в Китай американско-китайские отношения продолжали налаживаться, что, в свою очередь, отдаляло КНР от СССР⁸⁸.

В условиях растущей напряженности в советско-китайских отношениях и недоверия со стороны правительства КНР к Советскому Союзу советское руководство было вынуждено искать пути развития контактов с Тайванем, в связи с чем наблюдался рост интереса к установлению экономических и дипломатических связей не только с материковым Китаем, но и с островом. В конце 1960-х гг. активное сближение КНР с Соединенными Штатами Америки и одновременный спад в советско-китайских отношениях привели к тому, что в Москве начали обсуждать возможность смены политического ориентира с материковой части на Тайвань и отказу от прежней принципиальной позиции относительно тайваньского вопроса.

Правительство СССР стало склоняться к постепенному отдалению от принципа «одного Китая». Так, критика политического курса КНР, отказавшейся от участия в работе ООН, пока Тайвань имел членство в ней, прозвучала в письме советника посольства СССР в Пекине Ф.В. Мочульского и третьего секретаря Г.В. Киреева в адрес китайского правительства в 1961 г.⁸⁹ На протяжении всего десятилетия 1960-х гг. имели место контакты представителей СССР с оппозиционными силами Тайваня, выступавшими за независимый статус острова⁹⁰.

В этих условиях СССР и Тайвань искали возможности для установления неофициальных двусторонних связей⁹¹. Большую роль в процессе их взаимного сближения сыграл советский журналист В.Е. Луи, впервые прибывший на Тайвань в октябре 1968 г. и работавший для развития неофициальных контактов под псевдонимом Ван Пин⁹². Была достигнута договоренность обмена между Москвой и Тайбэем секретными сведениями о положении в КНР (за один только 1968 г. было организовано 30 обменов подобной информацией). Обсуждалась возможность того, что Советский Союз будет придерживаться нейтралитета в случае нападения Тайваня на КНР⁹³. В 1969 г. СССР с полуофициальным визитом посетил заместитель министра образования Тайваня⁹⁴. Неофициальные контакты между Москвой и Тайбэем продолжились и в 1970-е гг., в частности, за пределами Тайваня (в Вашингтоне) с участием тайваньского представителя⁹⁵.

⁸⁵ Трушкин А.Г. Идеологические основания... С. 110.

⁸⁶ Цвык А.В. Эволюция внешнеполитических доктрин КНР... С. 56.

⁸⁷ Zhang Jianhua. "Taiwan" and "Taiwan factor" in Sino-Soviet relations // Issues of Contemporary World Socialism. 2009. № 13. P. 42

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Лукин А.В. Россия и Китай... С. 528.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Zhang Jianhua. "Taiwan" and "Taiwan factor" in Sino-Soviet relations // Issues of Contemporary World Socialism. 2009. № 13. P. 43.

⁹² Tubilewicz C. Taiwan and the Soviet Bloc, 1949–1991... P. 30.

⁹³ Лукин А.В. Россия и Китай... С. 528.

⁹⁴ Там же. С. 531.

⁹⁵ Там же. С. 532.

Советско-тайваньские контакты осуществлялись преимущественно через третьи страны и на неофициальном уровне. Так, с 1970-х гг. Советским Союзом начала осуществляться торговля с Тайванем через Гонконг, Японию, ФРГ, а также через восточноевропейские страны⁹⁶.

После подписания в 1972 г. Шанхайского коммюнике между США и КНР, ставшего значительным шагом в налаживании китайско-американских отношений, Москва в очередной раз задумалась о необходимости расширения контактов с Тайванем и поиска почвы для сотрудничества с островом⁹⁷.

Однако при всех попытках установить дипломатические и экономические связи с Тайванем советская дипломатия официально продолжала придерживаться в отношении статуса острова прежних политических установок. При наличии интереса со стороны Тайваня в установлении официальных экономических отношений между Москвой и Тайбэем СССР проявлял сдержанность⁹⁸. Отсутствие прямых официальных контактов между Москвой и Тайбэем с одновременным поддержанием связей на неофициальном уровне привело к формированию своеобразной ситуации в двусторонних отношениях, которую советский историк-китаист П.М. Иванов охарактеризовал как «отношения без отношений»⁹⁹. Вероятно, советская сторона опасалась окончательного разрыва дипломатических отношений с Пекином и дальнейшего сближения КНР с США, а также перспектив возможного создания американско-китайской коалиции. Подобные соображения вынуждали СССР официально придерживаться позиции Пекина по тайваньскому вопросу, выстраивать дипломатические контакты с островом в рамках отношений с материковым Китаем. Даже после раскола в отношениях между Москвой и Пекином советская дипломатия не раз призывала к восстановлению мира в Тайваньском проливе и улаживанию конфликта¹⁰⁰. Подобная позиция Москвы находила отражение и в официальных заявлениях представителей советской стороны, и в конкретных действиях, предпринимаемых СССР. Так, 17 октября 1961 г. в выступлении Н.С. Хрущева на XXII съезде КПСС прозвучали слова критики в адрес «империалистов», создающих «напряженность в районе Тайваня»¹⁰¹. В конце 1962 г. в выступлении перед Верховным Советом СССР Н.С. Хрущев говорил о необходимости восстановления «законных прав КНР в ООН» и возвращении КНР «законной земли» – Тайваня¹⁰². В 1963 г. СССР отказался признать подпись Китайской Республики в международном соглашении о прекращении испытаний ядерного оружия в атмосфере, под водой и в космосе, выражая тем самым приверженность позиции существования лишь одного Китая – в лице Китайской Народной Республики. В течение 1960-х гг. СССР и другие страны социалистического блока выступали против участия Тайваня в международных организациях и мероприятиях, включая Метрическую конвенцию, Правовую конвенцию и Всемир-

⁹⁶ *Врадий С.Ю.* Российско-тайваньские отношения: история и перспективы // Известия Восточного института. 2017. № 2. С. 72.

⁹⁷ *Лукин А.В.* Россия и Китай... С. 533.

⁹⁸ *Врадий С.Ю.* Российско-тайваньские отношения... С. 72.

⁹⁹ *Лукин А.В.* Россия и Китай... С. 533.

¹⁰⁰ *Xiang Zhai, Ruping Xiao.* Shifting political calculation: the secret Taiwan-Soviet talks, 1963–1971 // *Cold War History*. 2015. Vol. 15. № 4. P. 545.

¹⁰¹ Отчет Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII Съезду КПСС. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Н.С. Хрущева 17 октября 1961 г. // Материалы XXII Съезда КПСС. М., 1962. С. 26.

¹⁰² Современное международное положение и внешняя политика Советского Союза. Доклад товарища Н.С. Хрущева на Сессии Верховного Совета СССР 12 декабря 1962 года // Правда. 1962. 13 декабря. С. 4.

ный почтовый союз¹⁰³. В 1971 г. Москвой вновь было поддержано решение о включении КНР в состав ООН и Совета Безопасности вместо Китайской Республики¹⁰⁴.

В начале 1980-х гг. администрацией Дэн Сяопина была разработана новая концепция «мирного объединения» Тайваня и материковой части Китая, известная как «одно государство – два строя». Концепция предполагала образование «единого Китая» при одновременном сохранении на материковой части социалистического, а на Тайване – капиталистического строя¹⁰⁵. Дэн Сяопин заявлял, что считает подобное решение тайваньского вопроса единственно возможным в условиях сложившейся ситуации в Тайваньском проливе¹⁰⁶. Концепция «одно государство – два строя», несомненно, представляла собой определенное смягчение прежней, более жесткой позиции Пекина по вопросу о политическом статусе Тайваня и способам разрешения проблемы. Интересно, что при постепенной трансформации политического курса КНР под руководством Дэн Сяопина и распространении концепции «одно государство – два строя» советские дипломаты не верили в возможность мирного воссоединения Тайваня и материкового Китая на основании новой концепции¹⁰⁷.

При этом в период 1960–1980-х гг. по мере охлаждения советско-китайских отношений действия советской дипломатии в рамках дискуссии о тайваньском вопросе встречали все более жесткую критику со стороны Пекина. Так, крайнее недовольство Пекина вызвали визиты на Тайвань В.Е. Луи¹⁰⁸.

Несмотря на то, что по мере охлаждения советско-китайских отношений и постепенного неофициального отдаления Москвы от прежних позиций в отношении Тайваня критика Пекином действий советской дипломатии была обращена в большей мере именно на «двуличность» и непринципиальность Москвы, чем на излишнюю активность СССР в дискуссии по тайваньскому вопросу. Однако даже в это время Пекин продолжал подчеркивать, что тайваньский вопрос воспринимается администрацией КНР исключительно как внутренняя проблема КНР. Это подчеркивалось и в заявлении Дэна Сяопина на расширенном заседании Военного Совета: «Мы, китайцы, не играем чужой картой и не позволяем никому другому играть китайской»¹⁰⁹.

Таким образом, после охлаждения отношений с КНР и до периода перестройки СССР в развитии связей с Тайванем был ограничен позицией Пекина и был вынужден привлекать внимание крупнейших игроков на международной арене к неразрешенному тайваньскому вопросу, официально придерживаясь позиции Китая в этом вопросе. Но после 1985 г. начинается период либерализации на Тайване, что создало условия для дальнейшего сближения Москвы и Тайбэя.

Представляется важным сравнение динамики диалога Москвы и Пекина по тайваньскому вопросу в 1950-х и в период 1960–1980-х гг. Если в 1950-е гг. активные действия советской дипломатии по разрешению тайваньского вопроса зачастую встречали критику со стороны Пекина, рассматривавшего тайваньский вопрос как внутреннее дело Китая, то в 1960–1980-е гг. (когда СССР стал допускать определенные послабления в следовании принципу «одного Китая» и предпринимать попытки налаживания контактов с Тайванем) КНР демонстрировала советской дипломатии неприятие подобных действий, расценивая их как проявление «двуличности» Москвы.

¹⁰³ Лукин А.В. Россия и Китай... С. 529.

¹⁰⁴ Резолюция A/RES/2758 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН. Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в ООН. 25 октября 1971 года // Организация Объединенных Наций [сайт]. URL: <http://undocs.org/ru/A/RES/2758%28XXVI%29> (дата обращения: 20.11.2019).

¹⁰⁵ Дэн Сяопин. Избранное. Пекин, 1994. С. 68.

¹⁰⁶ Там же. С. 79.

¹⁰⁷ Лукин А.В. Россия и Китай... С. 534.

¹⁰⁸ Там же... С. 530.

¹⁰⁹ Дэн Сяопин. Избранное... С. 165.

Возможной причиной для подобной специфики политического курса КНР могли быть опасения материкового Китая о потенциальном усилении позиций Тайваня на международной арене вследствие установления и развития советско-тайваньских отношений. Правительство материкового Китая могло также опасаться неблагоприятных последствий расширения советско-тайваньских контактов для экономики КНР. А окончательное угасание дискуссий на международной арене вокруг политического статуса острова не только нанесло бы удар по позициям материкового Китая на мировой арене, но и лишило бы государство рычага давления на отношения с такими крупнейшими международными игроками, как США и СССР. Нельзя исключать и вероятность того, что правительство КНР могло быть обеспокоено возможностью окончательного разрыва отношений с Советским Союзом в результате установления тесных связей между СССР и Тайванем.

Цзян Чэн в труде «Китай на пути к Корейской войне» обращает внимание на то, что для стратегической мысли Китая характерно рассматривать любую кризисную ситуацию одновременно и как опасность, и как возможность¹¹⁰. Подобное восприятие кризисных ситуаций отражается и в иероглифике китайского языка: двуслог, обозначающий понятие «кризис» (*weiji*) состоит из иероглифов *wei* (опасность) и *ji* (возможность)¹¹¹. Несмотря на то, что авторы в целом склонны к традиционному восприятию интересов и целей Пекина по тайваньскому вопросу, идея о том, что тайваньский вопрос использовался КНР в собственных внешнеполитических интересах, укладывается в концепцию восприятия кризиса как потенциальной возможности.

Если рассматривать тайваньский вопрос как инструмент влияния Пекина на динамику взаимодействия в рамках дипломатического треугольника Москва – Пекин – Вашингтон, то следует отметить, что в изучаемый период КНР использовала его достаточно успешно. С помощью этого своеобразного рычага давления КНР удавалось оказывать определенное влияние на политический курс СССР, не допуская главенства Москвы над собой.

Выводы

Таким образом, несмотря на формальные заявления Китайской Народной Республики о значимости тайваньского вопроса для материкового Китая и о необходимости немедленного его разрешения, в действительности руководство страны в рассматриваемый период стремилось извлекать определенную выгоду из этой дипломатической проблемы, намеренно затягивая процесс ее урегулирования. На протяжении всего существования тайваньского вопроса КНР удавалось искусно использовать проблему статуса и принадлежности Тайваня в своих политических интересах. КНР рассматривала тайваньский вопрос как один из способов влияния на динамику отношений в рамках «дипломатического треугольника» КНР – США – СССР. Занятая китайским руководством позиция по тайваньскому вопросу определяла его отношение к линии советской дипломатии, направленной на снижение напряженности в Тайваньском проливе и окончательное урегулирование проблемы. КНР не раз обращала внимание советского руководства на то, что рассматривает действия СССР в отношении вопроса о политическом статусе острова как неприемлемое вмешательство во внутренние дела материкового Китая. Критика с его стороны в адрес СССР звучала и после того, как Москва начала предпринимать попытки определенного пересмотра собственной позиции по тайваньскому вопросу. В свою очередь, попытки СССР установить отношения с Тайванем в условиях дипломатического кризиса с

¹¹⁰ *Chen Jian*. *China's Road to the Korean War...* P. 128.

¹¹¹ *Ibid.*

КНР приводили к обвинению советской стороны в «двуличности», отказе от прежних принципов. Таким образом, действия КНР по тайваньскому вопросу, как и реакция на усилия советской дипломатии по урегулированию проблемы, являются примером стратагемного политического мышления, свойственного китайской дипломатии.

Рукопись поступила: 8 января 2020 г.

Submitted: 8 January 2020

Библиографический список

- Барышников В.Н.* Тайваньский вопрос в китайско-американских отношениях (1949–1958). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1969. 270 с.
- Верченко А.Л.* Четвертое поколение руководства КПК: отношения через Тайваньский пролив и позиция России // Общество и государство в Китае: XLIV научная конференция. М.: ИВ РАН, 2014. С. 281–291.
- Врадий С.Ю.* Российско-тайваньские отношения: история и перспективы // Известия Восточного института. 2017. № 2. С. 68–82.
- Галенович Ю.М.* Самоутверждение сыновей Тайваня. М.: Муравей, 2002. 200 с.
- Галенович Ю.М.* Глобальная стратегия Китая. М.: НП ИД «Русская панорама», 2016. 1176 с.
- Громько А.А.* Памятное. Испытание временем. М.: Центрполиграф, 2016. 560 с.
- Гудошников Л.М., Степанова Г.А.* Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора. М.: Наука, 2014. 764 с.
- Дэн Сяопин.* Избранное. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1994. 537 с.
- Киссинджер Г.* О Китае. М.: АСТ, 2017. 640 с.
- Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. 598 с.
- Лукин А.В.* Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. М.: «Весь Мир», 2013. 704 с.
- Лычагин А.И., Комаров И.Д.* Тайваньский вопрос: внешние и внутренние детерминанты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 530–538.
- Непомнин О.Е.* История Китая. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2011. 736 с.
- Сталин И.В.* Беседа с корреспондентом Правды. М.: Госполитиздат, 1951. 340 с.
- Тихвинский С.Л.* История Китая с древнейших времен до начала XXI века. М.: Наука, 2013. 942 с.
- Трушкин А.Г.* Идеологические основания нового внешнеполитического курса КНР (1978–2001 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. Т.18. № 4. С. 107–114.
- Цвык А.В.* Эволюция внешнеполитических доктрин КНР (1950–1990-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 53–59.
- Brzezinski Z.K.* The Soviet Bloc: Unity and Conflict – Ideology and Power in the Relations among the USSR, Poland, Yugoslavia, China, and other Communist States, with an Introduction by Robert R. Bowie. Cambridge: Harvard University Press, 1960. 470 p.
- Chen Jian.* China's Road to the Korean War: The Making of the Sino-American Confrontation. New York: Columbia University Press, 1994. 339 p.
- Gao Xintao.* Zhong Su guanxi zhong de Taiwan wenti (1949–1959) // Guangxi Social Sciences. 2002. № 1. P. 40–56.
- Kuntić D.* The Ominous Triangle: China-Taiwan-the United States relationship // Croatian International Relations Review. 2015. Vol. 21. № 72. P. 239–280.
- Lin E.S., Yi-Hua Wu, Ta-Sheng Chou.* Country Survey: Defense Policy and Military Spending in Taiwan, 1952–2009 // Defence and Peace Economics. 2012. № 23. P. 343–364.
- Li Jian.* Secret Record of Contacts Between Taiwan and the Former Soviet Union. Beijing: Beijing University Press, 1995. 264 p.
- Roberts P., Levine S.I., Vámos P., Kaple D., Friedman J., Stiffler D.A.* Forum: Mao, Khrushchev, and China's Split with the USSR. Perspectives on The Sino-Soviet Split. Review of The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World // Journal of Cold War Studies. 2010. Vol. 12. № 1. P. 120–165.

- Tubilewicz C.* Taiwan and the Soviet Bloc, 1949–1991 // Maryland Series In Contemporary Asian Studies. 2005. № 4. P. 39–50.
- Tubilewicz C.* Taiwan and the Soviet Bloc, 1949–1991 // Maryland Series in Contemporary Asian Studies. 2005. № 4. P. 76–95.
- Tubilewicz C.* Taiwan and the Soviet Union During the Cold War: Enemies or Ambiguous Friends? // Cold War History. 2005 № 5. P. 75–86.
- Tubilewicz C.* The Little Dragon and the Bear: Russian-Taiwanese Relations in the Post-Cold War Period // The Russian Review. 2002. Vol. 61. № 2. P. 276–297.
- Vradiy S.Yu.* Russia's Unofficial Relations with Taiwan // Slavic Eurasian Studies. 2007. № 16-2. P. 219–234.
- Xiang Zhai, Ruping Xiao.* Shifting political calculation: the secret Taiwan-Soviet talks, 1963–1971 // Cold War History. 2015. Vol. 15. № 4. P. 533–551.
- Young S.M.* U.S. – China Relations // American Foreign Policy Interests. 2015. № 37. P. 264–272.
- Zhang Jianhua.* “Taiwan” and “Taiwan factor” in Sino-Soviet relations // Issues of Contemporary World Socialism. 2009. № 13. P. 37–51.
- Zhang Wei.* Lun Su lian zai di er ci Tai wan hai xia wei ji zhong de jue ce // Li shi jiao xue wen ti. 2008. № 2. P. 61–85.
- Zofka J., Vámos P., Urbansky S.* Beyond the Kremlin's reach? Eastern Europe and China in the Cold War era // Cold War History. 2018. Vol. 18. № 3. P. 251–256.

References

- Baryshnikov, V.N. *Tayvan'skiy vopros v kitaysko-amerikanskikh otnosheniyakh (1949–1958)*. Moscow: Nauka Publ., Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1969 (in Russian).
- Brzezinski, Z.K. *The Soviet Bloc: Unity and Conflict – Ideology and Power in the Relations among the USSR, Poland, Yugoslavia, China, and other Communist States, with an Introduction by Robert R. Bowie*. Cambridge: Harvard University Press, 1960.
- Chen, Jian. *China's Road to the Korean War: The Making of the Sino-American Confrontation*. New York: Columbia University Press, 1994.
- Den, Syaopin. *Izbrannoye*. Beijing: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 1994 (in Russian).
- Galenovich, Yu.M. *Samoutverzhdeniye synovey Tayvanya*. Moscow: Muravey Publ., 2002 (in Russian).
- Galenovich, Yu.M. *Global'naya strategiya Kitaya*. Moscow: NP ID «Russkaya panorama» Publ., 2016 (in Russian).
- Gao, Xintao. “Zhong Su guanxi zhong de Taiwan wenti (1949–1959).” *Guangxi Social Sciences*, no. 1 (2002): 40–56.
- Gromyko, A.A. *Pamyatnoye. Ispytaniye vremenem*. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2016 (in Russian).
- Gudoshnikov, L.M., and Stepanova, G.A. *Tayvan', Syangan (Gonkong), Aomen' (Makao), zarubezhnaya kitayskaya diaspora*. Moscow: Nauka Publ., 2014 (in Russian).
- Kissindzher, G. *O Kitaye*. Moscow: AST Publ., 2017 (in Russian).
- Kuntić, D. “The Ominous Triangle: China-Taiwan-the United States relationship.” *Croatian International Relations Review* 21, no. 72 (2015): 239–280.
- Lin, E.S., Yi-Hua, Wu, and Ta-Sheng, Chou. “Country Survey: Defense Policy and Military Spending in Taiwan, 1952–2009.” *Defence and Peace Economics*, no. 23 (2012): 343–364.
- Li, Jian. *Secret Record of Contacts Between Taiwan and the Former Soviet Union*. Beijing: Beijing University Press, 1995.
- Lukin, A.V. *Medved' nablyudayet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII – XXI vekakh*. Moscow: Vostok-Zapad Publ., AST Publ., 2007 (in Russian).
- Lukin, A.V. *Rossiya i Kitay: chetyre veka vzaimodeystviya. Istoriya, sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya rossiysko-kitayskikh otnosheniy*. Moscow: «Ves' Mir» Publ., 2013 (in Russian).
- Lychagin, A.I., and Komarov, I.D. “The Taiwan Question: External and Internal Determinants.” *Vestnik RUDN. International Relations* 17, no. 3 (2017): 530–538 (in Russian).
- Nepomnin, O.Ye. *Istoriya Kitaya. XX vek*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS Publ., Kraft+ Publ., 2011 (in Russian).
- Roberts, P., Levine, S.I., Vámos, P., Kaple, D., Friedman, J., and Stiffler, D.A. “Forum: Mao, Khrushchev, and China's Split with the USSR. Perspectives on The Sino-Soviet Split. Review of The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World.” *Journal of Cold War Studies* 12, no. 1 (2010): 120–165.
- Stalin, I.V. *Beseda s korrespondentom Pravdy*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1951 (in Russian).
- Tikhvinskiy, S.L. *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka*. Moscow: Nauka Publ., 2013 (in Russian).

- Trushkin, A.G. “The ideological foundations of the new foreign policy of the PRC (1978–2001).” *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology* 18, no. 4 (2019): 107–114 (in Russian).
- Tsyvk, A.V. “The evolution of the conceptual basis of the foreign policy of the PRC (1950–1990).” *Vestnik RUDN. International Relations*, no. 1 (2015): 53–59 (in Russian).
- Tubilewicz, C. “Taiwan and the Soviet Bloc, 1949–1991.” *Maryland Series in Contemporary Asian Studies*, no. 4 (2005): 39–50.
- Tubilewicz, C. “Taiwan and the Soviet Bloc, 1949–1991.” *Maryland Series in Contemporary Asian Studies*, no. 4 (2005): 76–95.
- Tubilewicz, C. “Taiwan and the Soviet Union During the Cold War: Enemies or Ambiguous Friends?” *Cold War History*, no. 5 (2005): 75–86.
- Tubilewicz, C. “The Little Dragon and the Bear: Russian-Taiwanese Relations in the Post-Cold War Period.” *The Russian Review* 61, no. 2 (2002): 276–297.
- Verchenko, A.L. “Chetvortoye pokoleniye rukovodstva KPK: otnosheniya cherez Tayvan'skiy proliv i pozitsiya Rossii.” In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye: XLIV nauchnaya konferentsiya*, 281–291. Moscow: IV RAN Publ., 2014 (in Russian).
- Vradyi, S.Yu. “Russian-Taiwanese Relations: History and Prospects.” *Oriental Institute Journal*, no. 2 (2017): 68–82 (in Russian).
- Vradyi, S.Yu. “Russia’s Unofficial Relations with Taiwan.” *Slavic Eurasian Studies*, no. 16–2 (2007): 219–234.
- Xiang, Zhai, and Ruping, Xiao. “Shifting political calculation: the secret Taiwan-Soviet talks, 1963–1971.” *Cold War History* 15, no. 4 (2015): 533–551.
- Young, S.M. “U.S. – China Relations.” *American Foreign Policy Interests*, no. 37 (2015): 264–272.
- Zhang, Jianhua. “Taiwan” and “Taiwan factor” in Sino-Soviet relations.” *Issues of Contemporary World Socialism*, no. 13 (2009): 37–51.
- Zhang, Wei. “Lun Su lian zai di er ci Tai wan hai xia wei ji zhong de jue ce.” *Li shi jiao xue wen ti*, no. 2 (2008): 61–85 (in Chinese).
- Zofka, J., Vámos, P., and Urbansky, S. “Beyond the Kremlin’s reach? Eastern Europe and China in the Cold War era.” *Cold War History* 18, no. 3 (2018): 251–256.

Информация об авторах / Information about the authors

Бельченко Андрей Станиславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Andrey S. Belchenko, Kandidat Istoricheskikh Nauk [PhD. in History], Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University.

Новоселова Майя Георгиевна, магистрант направления зарубежного регионоведения факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

Maya G. Novoselova, Master student of the direction of foreign regional studies, the faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University.